

КАТРИН
ПАНКОЛЬ

ЗВЕЗДА

В ОРАНЖЕВОМ КОМБИНЕЗОНЕ

МУЧАЧАС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
П16

Katherine Pancol
Muchachas I

Печатается с разрешения издательства Albin Michel
и литературного агентства Anastasia Lester

Перевод с французского *Елены Брагинской*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Панколь, Катрин.

П16 Мучачас. Звезда в оранжевом комбинезоне : [Трилогия. Кн. 1] / Катрин Панколь ; [пер. с фр. Е. Брагинской]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Легкое дыхание).

ISBN 978-5-17-087723-2

Новая трилогия Катрин Панколь — о прекрасных женщинах, которые танцуют свой танец жизни в Нью-Йорке и Париже, Лондоне и Сен-Шалане. Мужчины?.. Они тоже есть. Но правят бал здесь женщины. Пламенные, изобретательные, любящие, они борются за свою судьбу и не хотят сдаваться.

Главная героиня этой книги — Стелла Валенти, голубоглазая красавица, которая занимается утилизацией металлолома и носит оранжевый рабочий комбинезон, скрывая в своей груди нежное, трепетное сердце. Дом Стеллы охраняют три большие собаки, она одна воспитывает сына, а отец мальчика лишь изредка приходит к ним по ночам. С какими же тайнами прошлого Стелле предстоит разобраться раз и навсегда?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-087723-2

© Éditions Albin Michel — Paris, 2014
© Брагинская Е., перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Посвящается Сильви Женева...

Поиск счастья в этой жизни оказывается, по сути, проявлением мятежного духа.

Ибсен

— Как же все-таки люди в массе своей уродливы, — вздохнула Гортензия, наведя бинокль на резкость. — Не удивительно, что я имею такой успех...

Она сидела у открытого окна эркера своей гостиной. На ней был бледно-зеленый кардиган и узенькие красные джинсы, на ногах — домашние тапочки «Арлекин». Она наблюдала за прохожими, снующими по улице.

— Они тучные, они душные, они скучные. Они дуются и тусуются, пузатые туши, туповатые дуболомы.

Гэри валялся на тахте с наушниками в ушах и отбивал здоровенными ступнями ритм. Один носок у него был черный, а другой — красный. Раз-два-три-четыре — четвертная пауза, пять-шесть-семь-восемь — целая пауза, триоль, восьмая пауза, девять-десять.

— Или же, — продолжала Гортензия, — это просто медузы, влево повлеклись, вправо повлеклись, такие горестные тельца, что болтаются по воле волн.

Гэри потянулся. Зевнул. Взьерошил волосы. На нем была рубашка от «Брукс Бразерс» лимонно-желтого цвета, которая кое-где вылезала из потертых вельветовых штанов. Он вынул из ушей наушники и посмотрел на Гортензию, очаровательную ведьмочку с любопытным тонким носиком и шикарными длинными каштановыми волосами, которые приятно пахли травяным шампунем фирмы «Киль». Шампунь этот она использовала два раза в неделю и категорически запрещала Гэри его брать («Ты представляешь, сколько он стоит?»), прятала его, засунув в варежку для душа или за унитаз. Гэри все равно всегда

находил его. «Там *до* или *до-диез*?» — вдруг забеспокоился он, нахмутив брови. Открыл партитуру, чтобы удостовериться.

— И ведь одеты все в коричневое, серое, черное. Ни тебе красных пуговиц, ни зеленого шарфика! Ну стулья, одно слово, просто сиденья! Армия стульев, которые, трепеща, ждут, когда патрон опустит на них свой зад. Знаешь, что я тебе скажу, Гэри? Эти люди носят траур. Эти люди утратили надежду. Они ходят по улицам, потому что им сказали, что нужно рано вставать, ехать куда-то на поезде или в метро, приходить на работу и стелиться перед намаженным красавчиком, который назначен их хозяином. Не желаю быть стулом!

— А поесть ты не хочешь? — поинтересовался Гэри, закрывая партитуру и шепча про себя: — *До-диез*, ну конечно же, *до-диез*, *ми-ре-фа*, *си-бемоль*, *до*.

— Не желаю быть стулом, хочу быть Эйфелевой башней! Хочу придумывать одежду, которая сделает людей утонченными, изящными, устремленными к небу. «Простота — высшая степень изысканности». Вот это будет моим лозунгом.

— Ну, за некоторое время до тебя так уже сказал Леонардо да Винчи.

— Ты уверен? — спросила она, постукивая туфелькой по деревянному сундуку, на который она уселась, как на скамейку.

— Так я же тебе и шепнул на ухо эти слова вчера вечером. Ты что, забыла?

— Тем хуже для старика! Придется их у него украсть. Настал мой час, Гэри. Я не хочу быть ни журналистом, ни пресс-атташе, ни жалким серийным стилистом, я хочу творить и изобретать... Хочу создать свою марку.

Она выдержала паузу. Склонилась вперед, словно наконец заметила в толпе элегантно одетого человека, но тут же выпрямилась, разочарованная.

— Чтобы преуспеть в этой профессии, нужно быть сумасшедшим, фриком. Носить дурацкие шляпы, широкие шаровары, муфту из зебры, гетры кислотных оттенков. А я совсем не фрик.

— А поесть тебе не хочется? — вновь спросил Гэри, принимая позу роденовского «Мыслителя».

В его голове возник образ чайного салона Новой Галереи на Пятой авеню. Кафе «Сабарски» — так он назывался. Ему нравилось это тихое, уютное место, его деревянные панели, круглые мраморные столики и старое пианино «Ямаха», скучающее в углу. Чтение партитуры возбудило в нем аппетит. Он страшно проголодался.

— Поесть? — рассеянно обронила Гортензия, словно у нее спросили, не хочет ли она завести дома хохлатого какаду с островов Океании.

— Я умираю с голоду, я хочу яблочного пирога со взбитыми сливками, да побольше. Хочу в кафе «Сабарски». Там уютно и нешумно, славно и сладко, множество вкуснейших пирожных, милых седовласых стариков и старушек, забавных вещей, тарелок с серебряной каемкой и послушных детей, которые сидят ровно и не вопят.

Гортензия пожала плечами.

— Я талантливая, у меня блестящее дарование, диплом колледжа Святого Мартина, я стажировалась в «Гэпе» и не только. Мне не хватает только денег и блага... это богатый муж. Нет у меня богатого мужа. Хочу богатого мужа.

Она обвела взглядом комнату, словно он мог прятаться где-нибудь под кроватью или за шкафом.

— Я вот думаю, что мне заказать, яблочный пирог или Schwarzwälder Kirschtorte? Прямо никак не выбрать...

— Вот если бы ты продал драгоценности короны...

— И горячий шоколад по-венски. Да побольше сливок!

— Я навещу твою бабушку.

— Ее Величество ба несколько скуповата.

— А я приставлю револьвер к ее седовласой голове...

— Густой горячий шоколад со взбитыми сливками и Schwarzwälder Kirschtorte. Огромное шоколадное пирожное со сливками и вишенками. Бери пальто.

Гортензия вынуждена была подчиниться. Когда Гэри голоден, с ним невозможно разговаривать. Она окинула прощальным взглядом манекен на колесиках, на ко-

тором булавками было закреплено раскроенное платье. Три недели работы. Затейливая плиссировка, веером сходящаяся вокруг талии и расходящаяся к колену. Верх обтягивающий, узкий, бедра скрадываются драпировкой, вид элегантный и загадочный. «Простота — высшая степень изысканности». Божественно.

— Что ты думаешь о моей последней разработке?

— Пока не решил.

Она ждала его вердикта с замиранием сердца. Он всегда был ее первой публикой, первым критиком. Тем, кому она больше всего хотела понравиться. Тем, на ком она испытывала свое оружие. Они вместе учились, вместе росли, она не переставала его удивлять, он не переставал удивлять ее, они никогда не уставали друг от друга. Когда она хозяйским жестом клала руку ему на плечо, он высвобождался, предупреждая ее взглядом: «Не надо, Гортензия. Только не это. Дай дышать». А если он подходил к ней слишком близко, когда она создавала набросок новой модели, она, ворча, отталкивала его. Он отвечал: «О'кей, я понял, подойду попозже». Они по этому поводу не волнуются, все равно встретятся вечером в широкой кровати и соприкоснутся всей поверхностью кожи, и сердца их будут готовы разорваться, а они будут длить и длить эту сладкую муку, пока кто-нибудь не выдержит и не попросит пощады. Обычно побеждает Гэри: жадная, нетерпеливая Гортензия сдается быстрее. «Ни с кем никогда я не смогу так жить. Звуки его фортепиано заставляют мои модели лететь и струиться, мелодии Шуберта, Баха и Моцарта задают ритм и вдыхают жизнь в мои наброски».

Она ждала, когда он найдет нужные слова. Он всегда очень тщательно подбирал слова, чтобы не проскользнуло ни одного фальшивого, неподходящего слова. Он говорил: непредвиденные обстоятельства, превратности, помехи, неожиданности — в зависимости от характера возникшей проблемы. Он учил ее мыслить глубже и точнее выражать свои мысли. «Давай еще подробнее, побольше деталей», — останавливал он ее, когда она то-

ропилась побыстрее свернуть рассказ. Тут как-то давеча, после работы, она долго думала и в конце концов нашла определение любви, которое подошло, как влитое. «Любовь, — провозгласила она, пока он варил себе кофе, — это когда два человека любят друг друга, когда каждый из них вполне способен жить один, но тем не менее они решают жить вместе. Вот это как раз наш случай».

Она удовлетворенно вздохнула, он схватил ее, и они повалились на большой продавленный диван, служивший границей между двумя королевствами: музыки и моды. «Высокой моды», — всегда уточняла Гортензия, морща нос.

— А что, если...

— Если немного приподнять полы юбки?

— А что, если... я все-таки соблазнюсь на Zitronenschnitte¹? Он такой пухлый, такой хрустящий, и лимон в меру кислый... Вот даже не знаю... А ты что закажешь, а?

— Ничего, — оскорбленно бросила она. — Я буду смотреть, как ты ешь, и думать о своем плиссе. Может быть, немного передвинуть талию? Или не стоит...

— Ты всегда так говоришь, а потом заказываешь гору пирожных и доедаешь все до последней крошки. Вылизываешь тарелку, говоришь с набитым ртом, ты жутко противная, Гортензия Кортес!

— Это все потому, что я раз и навсегда решила для себя, что не буду толстеть. Тут все дело в стратегии. Я сильнее, чем калории. Они портят жизнь всем девушкам на свете, а я их презираю. Они обижаются на такое отношение и стараются держаться от меня подальше.

— Надень пальто, в парке ветрено. Мы пойдем пешком, разведемся.

— У Максима Симоенса в двадцать три года был свой торговый дом!

— Бери перчатки, шарф и шапочку. Оставь уже в покое это платье и свои булавки. Мое брюхо вопит от голода, ты должна покориться, женщина!

¹ Лимонный пирог (нем.). (Здесь и далее цифрами обозначены примеч. пер.)

Они шли по парку навстречу шквальному ветру. Гортензия висела на руке Гэри. Он широко шагал, она селенила рядом. Он хмурился, пытаясь ухватить нужный аккорд. Она мысленно втыкала булавку в ткань платья на манекене с колесиками. Он высчитывал шестнадцатые, она поправляла драпировку. Каждый был погружен в свои мысли, они не замечали ни бегунов, трусцой круживших вокруг них, ни любопытных белок, ни лужайки и холмы, ни игроков во фрисби, ни многочисленных лоточников, продающих баварские крендельки и сосиски, санки и мячики. Зимний парк был коричневым и голым. Он сейчас совсем не был похож на те почтовые открытки, которые покупают туристы.

Деревья качались, ветки дрожали, носы краснели от холодного ветра, слезы застили глаза. Но Гортензия все равно вещала в полный голос. Словно пыталась заговорить этот странный спазм в желудке, который парализовал ее и лишал сил. Каждое утро она просыпалась с этим спазмом. Она не знала, как его назвать и отчего он происходит. Будто внутренности завязываются в узел и она погружается в душный, липкий страх. А что, если жизнь проходит мимо? До этого она жила на полную катушку, вокруг был цветной многоголосый фильм, но с некоторых пор ее окружала серая муть, от которой накатывала жуткая тоска. Что, если она упустила свое счастье? Она уже почти старуха. Двадцать три года — это начало конца, клетки начинают отмирать, нейроны разрушаются, во всех научно-популярных книгах об этом написано. Время больше не работает на нее — Гортензия это ясно понимала. Но при этом не знала, в какую сторону ей двигаться. И скоро у нее кончатся все ее сбережения. Она накрутила на палец прядь волос, наклонилась, не отпуская руки Гэри, подобрала с земли сухую веточку, подняла наверх свою пышную шевелюру и, действуя веточкой как шпилькой, соорудила замысловатый пучок. Освобожденный лоб слегка наморщен, горделивая длинная шея устремлена вперед — Гортензию вновь одолевают мучительные размышления. Надо что-то менять. Долой

сомнения. Не обращать внимания на проклятый узел в животе. Действовать. Так и страх пройдет. Она ведь всегда шла напролом.

— Или же... Я вообще все переделаю. Складки наверху, а низ узкий. Юбка карандашом, и пышный верх с двумя большими бантами, и три маленькие жемчужинки-пуговицы на задрапированной талии. Что ты на это скажешь?

Он расслышал только последние слова, и они ему как-то не понравились. Хромые утицы, проковылявшие по его грезам. Какие-то темные пятна на его грезах. Фальшивые ноты в музыке его души. Диссонанс. Он ненавидел диссонанс.

— Мог хотя бы ответить!

— Гортензия, умоляю, я гоняюсь за нужной нотой... Маленькая звучная нота, которая приведет за собой все остальные. Она тут, недалеко, я ее почти уже выследил! Дай мне возможность ее спокойно поймать, и потом, обещаю, я выслушаю тебя.

— Ты понимаешь, кризис уже все начал разрушать. Цифры продаж скачут, налоги с текстильных товаров все выше, все торговые дома это знают и сосредоточиваются на проверенных временем образцах, на привычных для них ценностях и имиджевых разработках. Я должна как-то встроиться в эту систему, не то поздно будет. И тогда я закончу свое профессиональное существование и пойду обметывать петли.

Она крепче сжала его локоть, чтобы привлечь внимание к себе, к своей неразрешимой проблеме — к спазму в животе, ставшему уже спазмом в горле.

— Как будто в жизни нет ничего, кроме твоей музыки! — выкрикнула она. — Поговори со мной, Гэри, ну поговори же!

Она наклонилась к нему, вдохнула запах его туалетной воды, смешанный с запахом мокрой шерсти от его темно-синей бесформенной куртки. Сколько он уже ее таскает, эту куртку? И отказывается покупать другую. Она помнит ее почти всю жизнь. На ней даже есть ее отпечаток: затертость в том месте, где она держит его под руку. Это мой личный знак, след моей руки. Она вцепи-

лась в него, встряхнула, он высвободился. Она опустила руку.

— Я должна изобретать новое, двигаться вперед. Это единственное средство против кризиса. Только креативность может сдвинуть с места застоявшийся рынок. И все это я должна делать в одиночку. Я одинока, о, как же я одинока...

Он не повернул головы. Он продолжал гнаться за той самой, изначальной нотой. *Ми, соль, ля, си, до, до-диез...* Греза упорхнула. Он стиснул зубы, сжал кулаки. Отбросил движением головы шарф, который закрыл ему нос. Дернул рукав своей синей куртки. Потянул сильнее. Дернул изо всех сил. Гнев гудел и метался в нем, как ветер в ветвях. Он был просто в ярости. Ведь, казалось, уже почти поймал!

«Не нервничать, главное, не нервничать, у меня еще есть те первые ноты. Созвучие появится потом, в покое и тепле чайного салона».

Это было его убежище. Именно там ему пришли в голову первые звуки его первого фортепианного концерта. Когда он дул на взбитые сливки шоколада по-венски. И царапал в блокноте ноты, теснящиеся в голове. Блокнот всегда с ним, в кармане. И маленький мягкий карандаш, который буквально летает по листу бумаги.

— Значит, тебе наплевать, — нудила Гортензия, — ты меня не слышишь, ты меня вообще не слушаешь, я для тебя кто? Мебель, что ли? Статуэтка на шкафу? Недовкрученная лампочка?

Она опять отпустила руку Гэри. Отошла на шаг. Подставила лицо жестокому ветру. Вновь почувствовала, как судорогой свело живот. Нет, она не уступит. Ни спазму этому, ни Гэри. Дальше пойдет сама. Одна-одинешенька. Мы вообще одиноки в этой жизни. Надо вбить это себе в голову и уже никогда не забывать. «Я одинока, совершенно одинока на свете. Да, но чего я добьюсь в одиночку?» Она наподдала ногой мячик, за которым мчался что есть сил парнишка, послала его в противоположную от мальчика сторону, еще дальше, малыш завопил от возмущения, а потом заревел от обиды. «Тебе же лучше, —

прошипела она. — Побежишь-побежишь, да и догонишь его. Не конец света, нечего орать. Руки-ноги есть, вот и действуй!»

Мальчик замолчал и удивленно уставился на нее.

— А чего это ты плачешь? — спросил он, опуская уши своей канадской шапки.

— Не плачу я. Свали отсюда.

— Ты злока! Злока и к тому же еще и уродина! У тебя сухая ветка в волосах. Фу, как это некрасиво.

Она пожала плечами и вытерла глаза изнанкой рукава. Обернулась к Гэри, чтобы заручиться его поддержкой. А он к тому времени уже поймал такси и залез в него, даже ее не дождав.

— Гэри! — закричала она во весь голос, чувствуя, как слезы подступают к глазам. Смахнула их перчаткой и еще раз заорала: — Гэри!

Она побежала к машине. Он захлопнул дверцу перед ее носом. Опустил стекло и обронил:

— Прости, дорогая, мне нужно немного тишины и спокойствия. Оставляю тебя наедине с твоей плиссировкой. Быстрая ходьба — лучший друг всех погруженных в тревожные думы.

Гортензия проводила глазами удаляющийся свет задних фар желтого такси. Он посмел вот так бросить ее посреди парка! Да кто он такой, за кого он себя держит? Да кем он себя возомнил? Считает: раз он такой красивый, обаятельный и беззаботный, все должны по нему с ума сходить? Ишь ты! Штаны у него коротковаты, а ботинки велики. И вообще, ступни непропорционально большие. И волосы слишком черные. И зубы слишком белые.

Она секунду стояла растерянная, раскинув руки. Из носа текло. Она сделала глубокий вдох, подняла воротник, чтобы защититься от ветра. Заметила мальчишку, который все еще наблюдал за ней. Состроила ему гримасу. Он нехотя отвернулся и бросил ей через плечо, прежде чем побежать за своим мячиком:

— Вот ты сама видишь, какая ты уродина! Парень тебя здесь бросил, как кожуру от банана!

И тотчас же удрал.